

...И вообще не бывает так, чтобы все стало, как было.

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита».

В ОЛАНД забавлялся, как малое дитя. В ожидании Мастера, стоя на Пушкинской площади, на том самом месте, где когда-то находилось низенькое здание с прекрасной аптекой на первом этаже с бронзовыми дверными ручками и похожими на готические сооружения высокими серебрястыми касковыми аппаратами «Националь», здание, по утверждению москвичей, еще петровского времени, впоследствии несенное городскими властями, дабы на этом самом месте соорудить пустырь, Воланд для начала вместо человеческих ступней, обутых в легкие черные мокасины, выставил лапы свои, как и полагается черту, козлиные копыта. Никакого впечатления. Люди пробегали мимо, даже не удосуживая его вниманием. Тогда Воланд показал свои рожи. Он и кряхтел громко, и почесывал их, приговаривая: «Ух ты! Ух ты!», даже запел. Напрасно. Люди безразлично обходили его, торопясь по делам, не имеющим ничего общего с шалостями сатаны. Чтобы все же пробить брешь в людском равнодушии, Воланд пошел ва-банк, выпустив свой козырный туз — хвост, обратившись в истинного черта, но люди по-прежнему озобочено бежали мимо, даже не оглядываясь, и только одна женщина, нагруженная авоськой с апельсинами, остановилась рядом, чтобы сменить руку, потом смерила черта взглядом и прошипела:

— Совсем обнаглели!

Убедившись, что такими мелочами, как черт на улице, современных людей не проймешь, Воланд вздохнул, принял человеческий облик и стал медленно складывать в дорожку футляр, в каких обычно хранят уникальные музыкальные инструменты, свои сатанинские аксессуары — рожики, копыта, волосатый хвост. И тут вдруг собралась толпа:

— Где вляп!

— Глянь, Дуся, полный комплект! Давай купим твою отцу!

А даво рослых молодцов с неправдоподобно большими сумками, висящими через плечо, радостно переглянулись:

— Вот это мысль! Слышь, продай, а?

Воланд без труда вышел из плотного кольца обступивших его и приветливо помахал рукой. К нему легкой походкой шел Мастер в сопровождении двух подзорных субъектов. Тот, что был чуть выше и потоще, полюбив плотного жгучего брюнета в полной форме

Арнольд Григорьян 63 года. В справочнике Союза кинематографистов о нем сказано — режиссер, кинодраматург. Иан редактор А. Григорьян работал на ЦТ, на студии им. М. Горького, в Госкино СССР, на «Союзультфильме»... Автор сценариев около пятидесяти документальных и научно-популярных фильмов.

матроса-речника, время от времени натягивал ему на глаза бескозырку и при этом асыкий раз вазизгивал: — Зри!

Люди разочарованно расходились, и только женщина с апельсинами вернулась неведь откуда, чтобы всплеснуть остаток злобы. Некоторое время она тряслась, как вулкан перед извержением, потом, не найдя словесного эквивалента расправившему ее чувству, повторила: «Совсем обнаглели!» и исчезла в толпе.

Воланд взял Мастера под руку.

— Да вас и не узнать, милейший! Куда подевалась ваша былое беспокойство? Где ваша пугливости, подавленности, страхи? Вы выглядите прекрасно.

— Признание красит, мессир! Даже посмертное. А тут такая слава, такая популярность! Как я узнал, издаю все написанное мной, даже известное письмо. А театры, кино! Голова кругом идет от одних только афиш. Но вот скажите на милость, — указал Мастер на памятник Пушкину, — а это зачем было перенести на другую сторону улицы?

— Спросите что-нибудь полегче! — рассмеялся Воланд. — Кто их поймет? Когда-то пытался найти в их поступках хоть малую долю логики, но бросил эту затею. Бесполозное занятие. Скажите лучше, чего вам больше всего хочется сейчас?

— Вкусно поесть.

— Куда же?

— А куда прикажете, — беспечно ответил Мастер. — Не все ли равно?

— Я вижу, вы пока ничего не поняли.

Проходя мимо витрин Елисеевского магазина, заставленных пакетами с сухим супом, Мастер остановил Воланда:

— Зайдем на минутку!

— Идите, я подожду здесь. Не знаю, как городским властям, а мне, честно говоря, просто стыдно заглядывать сюда.

Мастер вернулся без пуговицы на плаще.

— Какой был магазин! И ведь сравнительно недавно. Оди только запаха чего стоили! В крохотном зале — окошко пяти-шести приготовлений. И воронезский вареный, и тамбовский копченый. А колбасы! Бывало, поднимает продавец в белешшем поварском колпаке нож стойкая, словно мушкетер, дающий присягу, и спросит: «Вам для дома или для гостей?», и отвесит триста граммов языковой с зелеными точечками смягченными на паре фисташек. Как же они умудрились дожить до такой нищеты!

— Не знаю, — ответил Воланд. — Все директора этого магазина исправно поступают ко мне, но что толку? Каждый последующий повторяет махинации предыдущего, но с большим размахом и куда с большими связями.

Вскоре они остановились у ресторана, фасадом выходящего на Манежную площадь и славящегося отличной кухней, а, главное, изысканным десертом. Ах, как был и месту после вкусного обеда пай-шарлот! Замечу — исключительно из автоновских яблок, с исклинкой. Или профитроль, когда заманишь его на ложечку. Да с соусом. Шоколадный. Да с глотком ликерца напоследок, снамем, какао-шуга взять на язык.

Зайдем? — Мастер теревил рукава Воланда, как нетерпеливый малыш торопит взрослого зайти в магазин игрушек.

— Попробуйте! — ответил черт.

Подойдя, Мастер увидел за стеклом уюму иностранных плакатиков и среди них притулившуюся в углу записку на нескольких русских слов: «Сегодня у нас спецобслуживание. Извините».

— Что это значит? — В голосе Мастера появились нотки бывшего беспокойства.

— Там угодливо иностранцев, — пояснил Воланд и добавил: «На валюту. У вас есть доллары, фунты, франки? А может, ваш бумажник набит лирами, песетами, гульденами?»

— Нет.

— Тогда надо уходить. Давайте попробуем в другом месте!

Через несколько минут они вышли на небольшую площадь с конной скульптурой. Всадник в доспехах ладно властно выгнутой руки как бы показывал на место расположения гостеприимной трапезной. Однако изрядная очередь у ресторана призывала жосту витязя сколько-нибудь серьезного значения не придавать.

— Ничего не пойму! — Мастер затропился к двери, за стеклом которой висело уведомление — «Ресторан повышенной национальной категории».

— Разрешите!

— Мучница, хулиганинать не надо! — Рефлексия Мастера была легко отражена. Несколькими достаточно энергичными движениями его отбросили прочь, после чего очередь вновь застыла на страже вошедшего входа.

У ресторана затормозили две иномарки, из которых высипала шумная компания молодых иррепных парней с подружками. Все они беспрепятственно прошли сквозь толпу страждущих и, не прерывая оживленного шепота, исчезли в табачном дыму и запахе горелого масла.

— Но почему же? — встревожился Мастер.

— Теперь вы, милейший, представляете размеры моих забот? Ведь эта публика поступает ко мне. Пойдем отсюда! Тут неподалеку есть ресторан без музика. Правда, туда по пропуску.

В дверях здания, куда они пришли, стоял невысокого роста мужчина неопределенного возраста, но очень решительной внешности.

— Ваши документы!

Воланд, к изумлению Мастера, извлек из кармана членский билет Союза кинематографистов и, указав на Мастера, бросил:

— Это со мной.

Навстречу им по лестнице спускались возбужденная женщина и мужчина средних лет. Она не считала нужным скрывать от окружающих свое раздражение:

— И все потому, что ты лопух. Лопух, понял? — Еще через несколько ступеней до слуха Мастера донеслось слово «валюта», произнесенное женщиной сильно, как заклинание.

— А ведь тоже мастер, — без грусти констатировал Воланд. — Во всяком случае в сегодняшнем интервью в газете на вопрос, какие у него настоящие книги, отвечает — «Плутарх и Конфуций».

Мастеру доводилось сживать в ресторанах. По части многочасовых застолий или скорых дружеских пирушек новичком он не был, и потому, войдя в зал, он первым делом принялся, а уж потом огляделся. Бедноато, грязновато, но говорят же на Руси: «Не красна изба углами, а красна пирогами». Наметанный глаз Мастера сразу уловил некую странность: в зале немногочисленно, а вот свободных мест как бы нет.

— Здесь жут дух, кто к десяти часам влезет с компанией, — пояснил Воланд. — Впрочем, и нам тоже заняли столики.

При этих словах к ним подскочил коротконогий жгучий брюнет в смокинге и при бабочке!

— Прошу вас, мессир! — Он подвел их к отдельному столику.

Присутствующие небрежно окинули взглядом вошедших, а брюнет, попыхивая непомерно большой сигарой и вилля бедрами, направился к соседнему столу, где сидел Корольев.

Усевшись, Воланд провел ладонью по сырой скатерти:

— Тоже не первой свежести, — а подошедшей официантке знаком показал, что платить будет Мастер. Как водится, ему и заказывать музыку.

Приосанившись, как подобает в таких случаях, Мастер вежливо отвел предложенное меню:

— Дайте, пожалуйста, для начала икорки той и другой, селедки керченской и картошки с маслом! — Он

показал на поясницу. — С почками у меня не все в порядке. Так. Осетрины горячее и холодное копчения. Так. И из заливного что-нибудь. Можно судачка. И грибочков, белых, маринованных и соленых, желательн бочковых. Есть так?

Официантка глядела на них, как на расшалившихся первоклашек:

— Вы что, мальчики, с луны свалились?

— Не угадали, — поддал голос Воланд. — Мы совершенно из других мест.

— Вот с этого и надо было начинать. — Официантка не придала особого значения реплике сатаны. — Из закусок могу предложить мясное ассорти, тарталетки, брызну и подогретый хлеб.

— И это все?

— Чем богаты, тем и рады. — Из голоса официантки улетучились нотки приветливости, а на лицо легла печать невероятной усталости.

— Тогда несите все, что найдете нужным! — в свою очередь сник Мастер. — И выпить. Водка-то у вас есть?

— Есть.

— А какая, позвольте полюбопытствовать?

— Не пойму я вас. Какая же бывает водка? Ну могу из холодиленка.

— Из холодиленка — это само собой. — Мастер готов был объяснить молодой женщине в рестораторской передничке, что водка бывает самая разная, причем одну марку никак не спутаешь с другой. Возьмем, к примеру, «Пшенничую». Она приятна на вкус. Впрочем, и при яру на вкус все марки. Но эта не оставляет во рту никакого шлейфа, и закусьвать после нее можно неторопливо, даже желательн произнести: «Хо-ро-шо!», а уж потом потянуться к закуске. А есть водка, которая так и называется «водка», и на белой этикетке мельчайшими точечками выведено — «Водка». Это же двойной очистки, покрепче будет других марок. Ее особенно следует пить после тщательного охлаждения. Тогда струйка, танущаясь от горлышка запотевшей бутылки к зовущему зеву лафитника, переплетается, вьет, как девичья коса, и главное, жидкость кажется причудливой формы горным хрусталем. Эту желательн закусить осетриной горячего копчения и непременно обильно залить ее свекольным хреном. Или еще лучше приготовить к ней нехитрый стотик из черного хлеба, филианка рыба, кружочка круглого яйца и стрелочки зеленого лука. А есть еще водка «Московская особая». Эта помгаче и особенно хороша, когда размешаешь ее с «Жижким балзамом». Тогда она приобретает особую легучесть и сама, без ваших усилий, струится по языку и дальше по трижды благословенному тракту, чтобы где-то под сердцем разлиться в солнечное тепло. После него приятно понохат корочку ржаного хлеба, с любопытством оглядеть стол и подщипить вышкой слезушций лепесток семги. Вообще первая стедушущая, когда вслед за ней потянется что-нибудь рыбное.

А есть еще «Горный дубник», «Охотничья», «Перцовка», «Старка», «Зубровка», «Зверобой», «Ерофеич», «Горькая», но все они уже ароматизированы, настоены на травах, кореньях, специях. Все это хорошо потом, а начинать следует только с беленькой и непременно из хрустального лафитника, так, чтобы глаз веселили искры, как от бриллианта самой что ни на есть чистой воды.

— Несите, что есть! Мясное ассорти, тарталетки, брызну и подогретый хлеб!

— Да ну вас! — окончательно разобиделся официантка и пошла выбивать.

Вместе с прибывающими гостями зал все устойчивее заволакивало табачным дымом, все гуще становился гул голосов и, напротив, перестало першить в горле от ку-

хонного чада. Мастеру захотелось откинуться в кресле, оглянуться вокруг с несколько покровительственным чувством.

— Все это, — Воланд сделал широкий жест сеталя, — тоже моя клиентура, мой будущий контингент, если изволите. Обратите внимание вы на ту группу! Видите: согнувшись над столиком, шепчутся о чем-то? Хотите знать, о чем? — Мастер кивнул.

И тут сатана неожиданно развернул исключительную по своей непростойности силу. Между бутылками и салфетками на столе беседующих оказалась запрятанный микрофон, и Воланд выключил его. В первую минуту сидящие не поняли происшедшего, и в зал полетели слова: «Старик, да он бездарный был, бездарным и остался!» При этом было произнесено имя режиссера, несколько минут назад прошедшего через зал в буфет, чтобы взять там шампанское. Еще недавно он считался одним из вершителей киносудеб. Отмеченный всеми высокими званиями и степенями, он был вынужден оставить все свои посты этим нумуришам, этой вольной стае. Чтобы даже не дышать одним с ними воздухом, он перестал посещать этот ресторан, и лишь изредка заходил сюда, когда вынуждал обстоятельства. Вот и сегодня он зашел за шампанским, и на тебе!

Услышав свое имя, произнесенное вуспе с дурым словом, метр, подобно породистому сеттеру, сделал стойку, замер, медленно повернулся и решительно направился к столу обидчиков. Зал, затая дыхание, следил за каждым его шагом, приближавшим столь желанный скандал. В это время из динамика опять прозвучал тот же голос:

— Ребята, какой-то гад нам на стол подбросил микрофон!

Дело обещало стать громким, запоминающимся событием, одним из тех, которые так утирают жизнь. Иного мнения был Воланд:

— Он даже честь свою не защитит достойно.

И на самом деле, подойдя к столу, метр неожиданно задал наимелрейший из вопросов:

— Где микрофон?

— Какой микрофон? Ты что, старик?

— Я тебе не старик, где микрофон, я спрашиваю? Разумеется, никакого микрофона на столе обнаружить не удалось, и тогда метр наконец взял быка за рога:

— Это я бездар? Говори, я?

Не дав оппоненту возможности ответить, он начал перечислять свои картины, после каждого названия оставляя «это она бездарная!». Поскольку перечень оказался длинным, интерес у присутствующих к фильмографии и самоощенке метра погас. Люди принялись допивать и дожидываться. Метр закончил столь сильно начатое наступление прозаической констатацией:

— Подонком ты был, подонком и остался.

Обидчик пристал, чем слегка реанимировал интерес публики, но тут же дал усидеть себя, и таким образом, скандал рассосался.

Официантка принесла и разложила на столе незамысловатую закуску. Появилась и бутылка с серой этикеткой, поверх которой чья-то торопливая рука шлепнула размытую фиолетовую печать.

— За вас визит! — поднял стопку Воланд. — При жизни вас лишили многого, и никто за вас не заступился. Оставалось тут несправедливость исправить мне. Смешно! За вас визит!

Корольев и Бегемот тоже не сидели сложа руки. Кот в обличье крашеного жгучего брюнета, закинув ногу на ногу, отчаянно дымил сигарой. Время от времени он обмахивался чековой книжкой и гнусавил на английский манер:

— Юнайтед стейтс оф Америка! Оскар оф Америка! Юнион филмс оф раш!

Иногда он менял последовательность произносимых слов, чем еще больше подогревал интерес окружающих. Корольев же, то и дело обламывая спину, выкрикивал:

— Они желают основать совместное производство фильмов! Им нужна советская пленка! Им нужны советские рубли! Взвем они дант «кодак» и доллар! Делайте свою игру! Ловите шанс!

Первым к столу новоявленных предпринимателей просеменял немолодой сценарист. Обтерев платком запотевшую лысину, он согнулся над брюнетом:

— У меня есть задумка. Тема — формирование личности в условиях...

— Короче! — прервал авторскую аннотацию Брюнет. — Оцень короче! Мы это покупаем.

Он циркнул пером, и Корольев вручил сценаристу чек:

— Фирма «Юнион оф филмс» благодарит вас. Продолжайте радовать зрителей! Следующий!

Официантка поставила на стол бизнесменов бутылку коньяка:

— Это вам от соседнего столика.

Из дальнего угла на брюнета метнул огненный взгляд молодой человек: дескать, это я прислал! Мол, знай наш!

Однако Бегемот никак не отреагировал и коротко приказал официантке:

— Откройте!

У столика образовалась небольшая, но шумная очередь.

— Теперь я.

— Нет, теперь я. У меня есть смета на совместный фильм.

Но идея о совместном производстве не суждено было родиться. Корольев неожиданно схватил салфетку и забил ею рот просятеля!

— Не протерпайте! Наша фирма согласна. Вот вам чек. Вот вам второй чек. Но только не снимайте! Вы согласны? Мерси. Следующий!

Метр, недавно требовавший сатисфакции, нагруженный двумя бутылками шампанского в хозяйственной сумке, с горькой усмешкой наблюдал за падением человеческих ирвов, пока самого не стало одолевает злобное желание тоже пасть. Доллары ведь! Но гордыня, подогрета недавним монологом, авла вверх. Он смачно сплюнул на ковер и вышел вон из душного зала.

Под шум аплодисментов счастливые кинематографисты с чекими отходили от стола предпринимателей. Уже зачастую подношения от столика к столику, в зале пахло шампакими, и когда финансовые операции достигли апогея, в дверях появилась та самая супружеская пара, которая повстречалась Воланду и Мастеру на лестнице. Женщине достаточно было белого взгляда, чтобы не только понять ситуацию, но и оценить свои возможности.

— Говорила же, что ты лопух! — Муж при этом получил сильный удар локтем. — Кто же так рано уходит отсюда!

Она ринулась к столику и положила руку на лапу Коту:

— А может...

— Может! — зорал Корольев. — Он все может! Вот ваки! Вот вам!

Кот дважды ударил пером по чековой книжке, вырвал листки с водяными знаками и беззастенчиво сунул женщине в лфчик.

— Такие вот дела, — печально констатировал Воланд. — Как вы понимаете, следить за нравственностью не входит в мои обязанности, но такого падения ирвов я не видел нигде. В этом обществе никто ни за что не отвечает, всем на все наплевать, большие начальники разваливают порученные им дела, но вместо наказания награждаются орденами и переводятся на другие высокие посты.

Когда же им с Мастером в декоративных настольных мангалах подали шашлыки, он потянул носом и ностальгически произнес:

— Совсем как у меня там, и тоже несъедобно.

Мастер размышлял о своем:

— Неужели нет ни одного достойного?

— Был один. Казалось, достойный. Только один. Но когда поступил в распределитель, выяснилось, что он в молодости подыграл мне. Что же касается остальных, то... Не скрою, за этим обществом я наблюдаю уже не первое десятилетие и должен признаться: совсем без моего вмешательства, а исключительно путем отрицательной исторической селекции здесь выведена особь безнравственная порода людей. У них все основано на лжи. — Воланд изменил интонацию. — А теперь незаметно посмотрите направо. Видите трюх вошедших? Высокий блондин — вук тот самого, который приходил к вам с обском. У них профессия передается по наследству, и всем им с первых лет обучения адваланчивается в головы, что сильнее их в стране нет никого. В прошлый наш визит они даже собрались нас арестовать. Как ково? Как видите, и теперь не угомонились. Ничего, они получат сполна.

— Мессир, вы хотите...

— Я даже паец о палец не ударю. С ними разделяются свои же.

В это время к столу Корольева и Бегемота подошел один из вошедших:

— Разрешите!

— Прошу вас! — закричал Корольев. — Вы режиссер? Актер? Вы каскадер, я угадал! Нет, вы оператор, но только об этом ни слова! Тс-с-с! Вы — оператор КГБ, правильно?

Собеседник обошел молчаливым истерическим выкрики Корольева и подчеркнуто вежливо обратился к Бегемоту:

— Можно мне взглянуть на вашу чековую книжку?

— С кем имеи честь? — с фальшивым испугом осведомился Брюнет.

Собеседник ловким движением выбрисил из кармана некое удостоверение, металлической цепочкой связанное с пиджаком. Как рыбака на крючке, удостоверение мелькнуло в воздухе и исчезло во внутреннем кармане.

— Я вас понимаю, — удовлетворился Брюнет. Оперативник же вглядывался в превращенную морду кота, тщетно пытаясь уяснить его национальность. И вдруг этот овартийный тип выхватил откуда-то из рукава государственный флажок одной весьма уважаемой страны, водрузил его на столе и объявил:

— У меня имеи иммунитет. Я вас разговариваю только через мой посольств. Где мой аппарат?

— Он припадочный, — сильно осложнил обстановку Корольев, указывая на недавнего компаньона. — Результат родовой травмы головы. Могу показать.

Он бесцеремонно пригнул черную голову и принял испугленно высказывать что-то в жесткой шерти, и, пока морда Бегемота оказалась плотно прижатой к скатерти, Корольев подмигнул оперативнику, чтобы тот не мешал с наручниками, и через секунду стальной браслет защеппнулся на лапах кота. Естественно, лапы выскользнули, и Корольев с криком: «Какой же идиот тебя учил!» обе лапы Бегемота втиснул в одно кольцо, а второе запер на запястье оперативника.

— Вот так. Будешь, гад, теперь знать свой иммунитет и как звонить свой аппарат!

Тайные защитники государственной безопасности и опоминуться не успели, как операция по задержанию Воланда, Бегемота и себя самого возглавил сам Корольев. Первым делом он вскочил на стол, разбив при этом для куражу паручку фуфужер, и объявил:

— Проверка документов! Двери запореть! Всем приготовить паспорта и военные билеты!

Люстры, мигнув, разом погасли. В крошечной тьме раздался истерический женский вопль: «Дождик, прости меня!»

— Полный свет! — скомандовал Корольев, однако

зажглась одна-единственная лампочка, что сразу придало ресторану вид стационной туалета.

Тем временем Корольев перепрыгнул к столу администратора.

— Звоните в милицию! — И, не дав несчастной женщине опоминуться, сам набрал «02». — Милиция? Говорит из ресторана. Странный вопрос! Какая разница, из какого? И нам тут ворвалась группа пьяных хулиганов. Идем вас.

Заметив, что к столику Воланда и Мастера подкрадываются трое, он сразу оказался рядом.

— Этих будем окружать, — Корольев обнял одного из тайных агентов за шею и горячо, образгивая лицо пьяной слоной, стал нащипывать свой оперативный план. Агент оказался натурой брезгливой и, позавыв о своем главном предписании, вынул из кармана носовой платок.

А я с тыла, — закончил Корольев и со словами: «Действуйте!» влепил брезгливому мокрому поцелуи прямо в губы.

Вместе с появлением стражей порядка в ресторане зашлись люстры, и возникло еще одо новое лицо — мужчина в черной рубашке и черной кожаной куртке. Он торопливо прошел через шевелившийся, гудевший, стоявший зал, заглядывая в лица:

— Нет, не этот... Не этот... Но он здесь... Он здесь... Сумасшедшим вновь прибывшим, по-видимому, не был, но и нормальным его тоже никто не посчитал бы.

— Вас ищет, — послыл Воланд, обращаясь к Мастеру. — Он затеял какой-то фильм. У него есть к вам вопросы.

И тут Мастер ахнул. Мужчина в черной куртке, издавкая увидев его, наелся и пошел прямо к Мастеру, и... прошел сквозь него.

«Неужели я нематериален?» — пронеслось в сознании Мастера, но его сомнения сразу же были рассеяны. Человек в черной куртке наткнулся на заставленный стол и со звоном опрокинул несколько бутылок.

Но, пожалуй, самое плачевное зрелище представляли охранники государственной безопасности. Бес сдержал слово. Он не стал вмешиваться. С ними справилась милиция. Работники самой могущественной организации были в странном оупнении. Они едва держались на ногах, оказываясь рядом с милиционером, и хмель на их ручной снимало, когда тот отходил.

Внук того, который приходил к Мастеру с обском, первым оценил безнадёжность обстановки. Когда телефонная трубка в его руке раздалась, он махнул на все, присел на ступеньку, асхлинул и